

Секция «Проблемы отечественной истории»

УДК 94(474.5)"1654/1667"

«ИЗ БЕЛОРУСЦЕВ В МОСКОВИТЫ»? РОССИЙСКАЯ АККУЛЬТУРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ТРИНАДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1654–1667 ГГ.: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

А. И. Прокофьев

Аспирант

Институт истории и археологии УрО РАН,

ул. Софьи Ковалевской, 16, 620990, г. Екатеринбург, Российская Федерация,

эл. почта: al_prokofjew@mail.ru

В статье предлагается методологическая апробация понятий «аккультурация», «агент аккультурации» по отношению к военно-социальной истории Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. Используемые термины употребляются в рамках социокультурного подхода для изучения царской административной политики на землях Великого княжества Литовского. Предлагается дальнейший способ реализации терминологического инструментария применительно к историческим реалиям середины XVII века.

Ключевые слова: Тринадцатилетняя война, Великое княжество Литовское, аккультурационная политика.

A. Prokofiev

«FROM BYELORUSCY TO MUSCOVITES»? RUSSIAN ACCULTURATION POLICY IN THE YEARS OF THE THIRTEEN YEARS' WAR 1654–1667: METHODOLOGICAL NOTES

Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

str. Sofia Kovalevskaya, 16, 620990, Yekaterinburg, Russian Federation,

e-mail: al_prokofjew@mail.ru

In this article offered the methodological approbation of concepts «acculturation», «agent of acculturation» as applied to war-social history of The Thirteen Years' War 1654–1667. The terms are used in the framework of the sociocultural approach for studying the tsarist administrative policy on the lands of the Grand Duchy of Lithuania. It is proposed to further way of implementing terminological tools to historical realities in the middle of XVII century.

Key words: The Thirteen Years' War, The Grand Duchy of Lithuania, acculturation policy.

В 1630 г., перед вступлением Шведского королевства в Тридцатилетнюю войну, Густав II Адольф активно использовал пропаганду: выпустил манифест на пяти языках к народам и правителям Европы и провозгласил поддержку прав протестантов в Священной Римской империи. Так С. В. Веджвуд обозначает религиозно-политическую причину шведского вторжения на имперские территории [1, с. 302–305]. Спустя 23 года, царь Алексей Михайлович пользовался сходным мотивом защиты православного населения в Речи Посполитой, так как «паны, рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру и на святые божии церкви восстали и хотят их искоренить» [3, с. 157].

В 1620–1640-х гг. в Смоленском воеводстве Великого княжества Литовского (ВКЛ), отторгнутом от Московского государства, шёл процесс дискриминации православных [8, с. 333–338]. Этот процесс выступил в качестве «позитивной» аккультурации населения для Костёла и униатской церкви, которые были её главными агентами. Б. Н. Флоря приводит пример смоленского униатского архиепископа Льва Кревзы, всячески добивавшегося запрета на постройку церквей и монастырей «схизматиков» в Смоленской архиепархии, подчинения православного духовенства и мирян униатам. Его преемник, Андрей Золотой-Квашнин, добился сожжения храмов нескольких православных шляхтичей в своих владениях, что было нарушением свободы вероисповедования в пределах личных земель и целенаправленной политикой подавления диссидентства в Смоленском воеводстве [8, р. 337–341]. Неудивитель-

но, что эти меры привели к росту промосковских настроений перед Тринадцатилетней войной и вызвали ответную антикатолическую реакцию. Наряду с этим Б. Н. Флоря рассматривает интересный эпизод о хиротонии нескольких жителей Дорогобужа и выдаче ставленных грамот митрополитом Сарским и Подонским Серапионом [9, с. 49–51]. Для довоенной ситуации этот случай уникальный, означавший выдачу документов подданным другого государства и претензию на главенство патриарха Московского и всея Руси в землях ВКЛ.

«Позитивная» аккультурация населения Смоленского воеводства в сторону принятия социально-политической и религиозной культуры Речи Посполитой не отличалась терпимостью. Но и в годы Тринадцатилетней войны 1654–1667 гг. Алексей Михайлович в приказном порядке упразднил униатские церкви и монастыри на территории ВКЛ, явив собой подтверждение собственных слов: «Костелам не быть, униатом не быть, жидом в Белоруси не быть и жития никого не иметь» [2, с. 83; 10, р. 104]. Притом разные способы обращения (насильственные и ненасильственные) униатов в православие, по мнению А. И. Миллера, могут рассматриваться как *русификаторская* политика [5, с. 60]. Таким образом происходил аккультурационный реверс со стороны Московского государства.

Почему происходили сходные процессы со стороны польских и русских властей? Как замечает Д. Ливен: «Единство династии, церкви и народа, предполагаемое термином «Святая Русь», ни в коем случае не было простым лозунгом или аффектированной выдумкой пропагандистов» [4, с. 403]. В Речи Посполитой акторами религиозной унификации выступали римский костёл и униатская церковь, а в Московии – православная церковь. Об этническом понимании аккультурации или более глубокого процесса, ассимиляции, в этом регионе можно говорить лишь с XIX в.

Под понятием «аккультурация» во французском издании «Словарь историка» обозначается «процесс принудительного или добровольного восприятия индивидом или группой элементов культуры другого, как правило, доминирующего общества. Аккультурация совершается в ходе длительных контактов разного типа (оккупация, колонизация, эмиграция). Она не сводится к утрате идентичности» [7, с. 11]. А. И. Миллер отдает предпочтение британской интерпретации: «Аккультурация может происходить либо в условиях равного контакта двух обществ, либо в условиях военной и политической доминации» [5, с. 59].

Контекст второго варианта определения понятия позволяет говорить не только о религиозной аккультурации, но и о социальной. К примеру, И. В. Герасимова отмечает важный факт, что пребывание русских войск в занятой ими Вильне в 1655–1658 гг. зачастую только обостряло ситуацию мирного сосуществования новой власти и местного населения на фоне подтверждения городских прав по старым привилегиям и разрешения восстановления довоенных судебных органов [2, с. 128–140]. Интересен феномен аккультурационной диффузии: социально-правовое воздействие наблюдается со стороны населения Вильны на представителей царской власти и проявляется в стремлении виленских воевод обеспечить защиту царской администрации и навязать порядок с помощью силы.

Из этого получается, что агент аккультурации – это субъект или группа субъектов, претворяющих в жизнь аккультурационную деятельность. Такими агентами с русской стороны стали власть на местах, армия, церковь. Их деятельность распространялась на все социальные слои населения ВКЛ (шляхта, духовенство, мещанство, крестьянство). Социальной аккультурации подвергались в первую очередь «белорусцы», будучи более близкими по религии и культуре Московскому государству. А. И. Папков считает таковыми православных священников и подданных Польской короны (не католиков или униатов), которые, в свою очередь, противопоставлялись единоверцам Московского государства [6, с. 88].

В целом исследовательский потенциал выявления административных механизмов религиозной аккультурации и социально-политической адаптации русских государственных институтов в ВКЛ ещё не раскрыт. Трансферы правового поля также становятся интересным предметом изучения: актуальной является проблема одновременного использования Магдебургского права, законов Литовского статута и Соборного уложения [2, с. 286]. В социальном взаимодействии не обозначена демаркация аккультурационных агентов: влияла ли цер-

ковь на шляхту, и если да, то в каком объёме; содействовала ли армия насильственному перекрещиванию униатов; старались ли управленцы на местах адаптироваться под сложные правовые реалии или навязывали общепринятые в Московском государстве. Абрис исследовательского поля шире поставленных вопросов, где социокультурный подход к рассмотрению российской аккультурационной политики должен выходить за идеологические рамки «оккупации» или «освобождения».

Источники и литература

1. Веджвуд С. В. Тридцатилетняя война / пер. с англ. М.: АСТ, 2012. 571 с.
2. Герасимова И. В. Под властью русского царя: социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 344 с.
3. Заборовский Л. В. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М.: Памятники исторической мысли, 1998. Ч. 1. 374 с.
4. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI до наших дней / пер. с англ. М.: Европа, 2007. 688 с.
5. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
6. Папков А. И. Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в российском делопроизводстве XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура. М.: Тезаурус, 2011. Вып. 4. С. 83–113.
7. Словарь историка / пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
8. Флоря Б. Н. Положение православного населения Смоленщины в составе Речи Посполитой (20-е – 40-е годы XVII в.) // *Revue des Études Slaves*. Т. 70, fascicule 2, 1998. Р. 333–345.
9. Флоря Б. Н. Смоленщина и Московская патриархия накануне Русско-польской войны // *Славянский альманах*. 2002. М., 2003. С. 49–53.
10. Pendzich В. М. Civil Resilience and Cohesion in the Face of Muscovite Occupation // *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth: Poland-Lithuania in Context, 1550–1772* / Ed. by Karin Friedrich and Barbara М. Pendzich. Leiden; Boston, 2009. Р. 103–127.

© Прокофьев А.И., 2017

УДК 94(575.172)

КАРАКАЛПАКИ В ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ (XVII–XVIII ВВ.)

Я. В. Пилипчук

Младший научный сотрудник

Институт востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины

ул. Грушевского 4, 01001, Киев, Украина,

эл. почта: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

В статье проанализирована внешняя политика каракалпакских государств в XVII–XVIII вв. Они играли важную роль в истории Евразии только с 1671 г. Каракалпаки были младшими партнерами по отношению к калмыкам во второй половине XVII в., в 1720–1730-х гг. входили в союз с казаками, ходили в походы на калмыков, вошли в русское подданство.

Ключевые слова: каракалпаки, Шибаниды, казахи, Калмыцкое ханство, внешняя политика.

Pylypchuk Ya. V.

KARAKALPAKS IN HISTORY OF EURASIAN STEPPES (XVII-XVIII CENTURIES)

A. Krymsky Institute of Oriental Studies

Hrushevsky str., building 4, 01001, Kyiv, Ukraine

e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

This article is devoted to the foreign policy of the Karakalpak states in the 17th–18th c. They played an important role in the history of Eurasia only from 1671. Karakalpaks were younger partners